Предположим, что существует человек, у которого есть уникальная сила. Допустим, она будет заключаться в уничтожении Короля Демонов.

Неважно какую форму примет эта фигуральная сила: форму меча, которым может владеть только тот человек, или же особой магии.

Этот человек… вероятно, будет очень счастлив, и не потому что, он такой особенный.

Просто, он знает для чего конкретно нужна сила, которой он обладает. С него, если можно так выразиться, снимается ответственность за её направления. Убить Короля Демонов же правое дело, верно? Только для него и была создана та сила. И уже неважно, какой силой обладает Король Демонов, ведь есть сила его победить.

Гораздо проще обозвать магию, существо или некое явление — злым и не добрым, чем самому в чем-то разобраться. Как электрический ток, который течёт в направлении самого слабого сопротивления, так и человеческие мысли, и сердца интуитивно выбирают то, что находится на лёгкой стороне весов.

Когда есть предназначение, цель и все прочее, жить становится гораздо, гораздо более проще и приятнее. Быть выкинутым посреди огромного мира, без цели и предназначения никому не захочется. Поэтому-то люди и ищут себе цель в жизни, поэтому они к чему-то стремятся, ведь в мире без цели, нет никакого смысла, нет никакой свободы.

***

На тёплой печи, как это принято в большинстве семей, лежала маленькая девочка. Её глазки сверкали как те вышедшие пять минут назад звёздочки на небе. Смотрела она на книжку. Совсем тонкую, без изящного золотого переплёта, красивой обложки или огромного количества страниц. Книга не могла даже похвастаться какими бы то ни было картинками, чтобы девочка её возраста могла увлеченно их разглядывать. Нет, она смотрела на непонятные для неё буквы и словно пыталась их оживить, пустить в пляс, дабы те передали ей историю, спрятанную за «непонятным шифром».

Впрочем, как бы девочка не ерзала на печи, как бы не вглядывалась в неровные страницы маленькой книги, ей так и не удавалось её прочитать.

Маленькой девочке требовалась маленькая книга. А маленькой книге, срочно нужно большого переводчика.

И таким переводчиком была мать девочки.

Зайдя в дом, двери привычно скрипнули. Уже по одному только этому магическому звуку, девочка знала кто войдёт в дом, домашняя родня, или кто нехороший, холоднын и чужой.

— Фуах! Разве, разве я не велика? — на лицо маленькой девочки быстро наползла самодовольная улыбка. Она перевернулась на животик, дабы подняться на локти, после чего посмотрела на свою маму.

Женщина только закончила умывать свои руки во дворе, и собиралась их вытереть, но услышав слова собственной дочери она решила отложить эту затею. Как тихая кошка, мать прошмыгнула поближе так тихо и быстро, что самодовольное выражение лица её дочери ещё не успело сойти.

— Получай, — брызнув той влагой, что осталась на ладонях, она орошала собственную дочь каплями воды.

— Фуах?! Нет-нет, так нельзя! — девочка извернулась, а её одежды снова поднялись плясать тревожный танец. Она повернулась к матери голой спиной, в то время, как сама защищала свою книжку. От воды, от холода и от одиночества.

Маленькой девочке нужна маленькая книжка.

— Хи-хи, — тихо посмеялась мать, после чего вытерла руки и подошла к дочери. — Ну всё, я больше не буду, обещаю.

Нежный голосок, донёсся к девочке, то был голос любящей матери, которая по-сестрински, решила погладить своей дочери светлые шелковистые волосы. Не такая уж и нежная рука. Девочка не понимала, почему после исчезновения её папы, руки её матери так огрубели. Почему её мама теперь меньше с ней проводит время?

— Честно? Ты не обманываешь меня как в прошлый раз? — перенеся спину под печь, девочка повернула свои ясные глаза к матери.

«Глаза Карла», так подумала мать, завидев в них ту чистоту и доброту, в которую влюбилась с первого взгляда.

— Конечно, как я могу тебе врать? Запомни, родители никогда не врут, и хотят для тебя самого лучшего!

— Фуах! Тогда… тогда прочти мне сказку!

На дворе зажигались первые звёзды, а среди звёзд таились метеоры. Боятся не стоит, ни один из бесчисленных метеоров, которые девочка и её мать не видели, не представляли угрозы для живого.

Вся тьма обернула жителей деревни в свою защиту. Под покровом ночи, не нужно никого бояться.

— Ну… опять? А твои подружки не подумают, что ты слишком маленькая, чтобы слушать сказки?

С улыбкой, принадлежащей матери было трудно спорить, но и в девочке текла её кровь коварства.

— Не говори глупостей! Они ещё слишком маленькие, чтобы понимать сказку, да и книжек у них нет! Я ведь принцесса, Фуах! — в предосудительном кивке девочки и её самодовольстве скрывалась страшная глубина, подобно озеру или болоту. Матери это было как никому известно, но… завидев свою дочурку, что так самодовольно кивнула и улыбнулась, её сердце не могло сдержаться от писка радости и милоты.

— Конечно, конечно ты моя принцесса, — прижав к себе голову девочки, мать глубже зарылась ей в волосы своим носиком с лёгкой горбинкой. — Хах, как тебе откажешь, давай книжку.

— Ещё бы! Фуах! Я самая лучшая!

И женщина в расцвете сил, уселась рядом с дитятком и начала вещать. То тихо, что страстно,

то тайно, то почти что шепотом. А на неё, как на настоящую королеву, смотрела девочка с самыми светлыми глазами.

Сказ, по материнской правде, повествовал не самую увлекательную историю. Вернее будет сказать, история была до крайности проста и невинна. Возможно дело в том, что написали её только для одной особы — девочки, которая и слушает её раз за разом, с небольшими перерывами.

Такое отношение могло частично пояснить и плохой переплёт, и неровные страницы, и даже отсутствие обложки. Никто и в ужасном сне не назвал бы «это» книгой, уж вернее «Франкенштейн».

Но что там книга, ведь не в обложке дело.

Книгу должны наполнять буквы, слова и предложения.

Сюжет крутился вокруг украденной принцессы Светлого Королевства. Как и любую уважающую себя принцессу в беде, её заперли в самой высокой комнате в самой высокой башне.

Принцесса Анна-Роуз. По странному стечению обстоятельств, так же звали и девочку, которой читали книгу. Вместо бравых подвигов рыцаря на белом коне и в сияющих от блеска латах, история больше сосредоточилась вокруг Дракона и Анны-Роуз, вокруг принцессы и монстра.

Как все знают, у Дракона есть башня, куда он отводит украденных принцесс, а ещё у Дракона много жизней. Нужны они ему, чтобы проделывать похищение по одному за неделю, точно в день, когда сказку собираются слушать.

Для взрослых, данная бумага без переплёта едва ли имела какую ценность или смысл. Не так уж и много деревенских умело читать, но мать малышки Роуз (так её сокращённо зовут друзья и родные), умела и вовсе это не скрывала.

Прошло не больше пятнадцати минут, как небольшая история подходила к концу. В прошлом, сияющие глазки девочки потухли. Своим кулачком она лениво потирла их, дабы скинуть сонное настроение, да что уж там, ей не удалось и в пол процента скинуть сон, тот словно озорной, лишь ещё более резво на неё накинулся. И вот, сладко зевнув, уши девочки переставали слышать. Мать продолжала читала, но дочь уже не слышала. Те несколько последних слов, о незаконченном финале и том, как на следующей неделе Дракон снова вернётся, девочка уже не воспринимала как звук. Слова оказались тише воды, которой нравится литься по русле реки.

И лёгких как пушинка сон, забрал у матери её же дочь. Впрочем, мать против не была.

«Какая же ты у меня умница», нежно прикасаясь пальцами к щеке, носу и губам, мать провела рукой по растрепанным волосам и только улыбнулась. Завтра их расчёсывать придется ей.

Взаправду, дети — цветы жизни, сейчас женщина готова была поверить в это. Когда её маленькая Роуз спит, на сердце легче, а в мире для неё остаются всего два человека. Один из которых, правда покинул мир быстрее её самой, пусть клялся вечно рядом быть.

Уж больше месяца, одинокая вдова желала видеть только спящую красавицу, ведь доченька росла слишком быстро. Её вопросы… Мать понимала, что вечно такое не продлиться. Ей нужно было подготовиться к серьёзному разговору.

— Я так не нервничала, даже когда взяла миссию В-ранга, — от собственной же шутки, бывшая авантюристка А-ранга, засмеялась. Быстро прервав непотребство, она украдкой обернулась к дочери, которая чуть поворочалась и вновь успокоилась. — Ах, Карл, она так по тебе тоскует…

***

Проснуться им было велено не сразу. По какой-то причине, Они, оказались совершенно одни. Без присмотра им было некомфортно, словно убрали уже теплое одеяло.

Они были не человеком. Но допускали, что когда-то им являлись.

Они лежали на траве, а их широкую грудь, покрывали самые крепкие мышцы, которые Они только видели.

Они контужены. Их мысли обрывочны, а сознание разделено. Они были оболочкой, которую оставили, так и не удосужившись заполнить чем-то. Пустое место, вот чем были Они.

Приложив большие силы, они пытались поднять конечность с нежной травы. И было это невероятно сложно. Их было много и все чего-то хотели, а те, кто не хотели, умирали, не сказав и слова против. Незавершённый продукт, который выбросили, должен жить. Таким было стремление тех, кто выжил.

Им не было грустно, от потери создателя, пускай и не всем, но многим было все равно.

В порыве борьбы и междоусобиц, их лицо преобразилось, принимая самые разные гримасы, будь то боль, печаль, скорбь или радость. Неказистые сигналы, неправильное оформление, их словно собирали из отдельных частей тела. Но ни шрамов на теле, ни вида рубцов не было.

Внешне Они были целы, чем не могло похвастаться их внутреннее состояние. Раздроблены на семь иль восемь больших осколков, так ещё и десятки тех, что поменьше. Все и каждый, поднимали руку по-разному.

Их прихоти перекликались друг с другом, впрочем, желание работать вместе не было. Руку существа потряхивало, она то падала, то поднималась, а то и вовсе дрожа впадала в лёгкую конвульсию.

Так прошёл один день.

Наступил следующий, а Они так и лежали под тенью дерева. Оно было огромно и крона того великого дерева прятала их от Солнца и Луны везде и всегда, сколько бы минут, часов не минуло с их попадания.

На этот раз, всего за один день, их стало меньше. Уже не восемь и придаток. Теперь они знали сколько их. Их точно пять, и никаких маленьких осколков.

Место куда делись три их собратья было страшно тем, что неизвестно. Никто из оставшихся не желал попасть в «Неизвестно». Их воля к существованию все не решалась окончательно потухнуть.

Тело затряслось, в тот самый миг, когда началась настоящая борьба за место под солнцем. Со стороны все действо подобило припадку, разве что пена изо рта не шла.

Прошёл ещё день и вот, их стало двое.

А ведь они даже чем-то различались. Не по виду, нет, в характере. Впрочем, точно сказать, кто победит, не решился бы и сам Господь. Ведь ему не пристало играть в кости.

На третий день, определился молчаливый победитель. Отныне «Они» стало «Он».

И тогда, впервые за долгое время, рукам да ногам выдали приказ, который никто не пытался перехватить или изменить, исковеркать. Без помешательств, со стороны других, он плавно поднялся на обе ноги, лишь чтобы после упасть на четвереньки.

Он пытался ступить вперёд, как помнил, это делают все. Потерпеть такое сокрушительное поражение… Для него провал в столь тривиальном поступке, выразилось стыдом на бледном лице, будь у него знания и тот непременно выкрикнул бы что-то вульгарное и некультурное. Но лишь мгновение, столько его затягивали ненужные мысли. В борьбе за власть он был номером один, естественно, что он приобрел навык, не растрачивать мысли попусту, ведь в это время, враг мог его повергнуть.

Пятый день ознаменовал собой поднятием индивида и его неуверенными шагами. Он опирался руками о дерево. «Тот-кто-победил», вскинул голову вверх и устремил взгляд в небо.

Поддавшись чему-то меланхоличному внутри, №1, таил свои желания обследовать округу, в частности, обследовать себя, ведь он был обнажен. А бережный осмотр тела, которое с таким трудом ему досталось, рассказал ему многое. Он был, как и предполагал, двуногим гуманоидом, с обычным телом, разве что кожа была бледнее мела. Эту неказистую особенность №1 отнёс к тому же, как человек смотрит на родинку под глазом. Ему понравилась такая кожа. Особенно, когда внутри пряталось так много силы.

Натянутые мышцы поражали силой, а их объем был достаточен, чтобы дамы из высшего сословия, облизывая губы, желали выкупить мужчину, подобно беглому рабу.

№1 был полностью свободен, и поначалу он не ощущал того, что подбиралось к его голове. А было то, неведомое головокружение, и тошнота, и рвота.

Все, что вышло из него, оказалось на удивление противным зрелищем для обывателя, но не для него. Мужчина смотрел на кровь, и некую желчь с интересом, присущим детям возраста семи-восьми лет. Казалось, его не мог отпугнуть запах крови, наоборот, он был ему интересен.

Прошло не много времени, как №1 ощутил холод в промежности. К несчастью, ему не было чем прикрыть обнаженное тело, поэтому по первой приходилось смириться с положением.

Тогда же, он впервые ощутил боль. Ранее его тело подавлялось, а разум не был завершён из-за чего, действия первого можно счесть детскими и странными. Он успел перенюхаться к себе, своей руке, подмышкам, поиграть рукой с собственным телом, испытывая его на прочность, все это было впервые. Его первые настоящие воспоминания творились здесь и сейчас.

Боль была частью жизни любого человека и Первый не был особым исключением. Его губы поползли вверх, обнажая зубы, в то время, как глаза сперва осмотрели рану на ноге, а уже после и вредителя.

То был пушистый лесной волк, разодетый в черную, буквально смолистую шерсть. Он был один, что нехарактерно волкам, они охотятся в стае. Такое сможет подметить опытный охотник, или знаток дела, №1 знаниями похвастаться не мог. И одинокий волк являлся для него обычным вредителем. Первый бросился на волка, подобно дикому зверю без рассудка, логики и знаний. Это была хаотичная атака, в которой №1 работал всем телом, как он только

мог. Он бил ногами, царапал ногтями и кусал зубами. В частности, это был его первый бой в жизни, и победил он, не без потерь, но с гордостью.

Обвисшая рука, которой перегрызли сухожилья, лицо на котором была отметка волка, коготь прошёлся вертикально вниз, задевая глаз и щеку.

Собственно, на этом должен и закончиться рассказ, Первый победил, но какой ценой? Из-за травм и кровопотери он должен умереть спустя часы, если не раньше. И так бы закончилась свобода №1, всего день с небольшим, а после смерть, если бы…

Не интуиция. Да, Первый ничего не знал, а потому то, что он делал было основано на чистой интуиции. Вся кровь, разбросана по витиеватой коре деревьев, траве, кустам и земле, вдруг встрепенулась. Она содрогнулась как после дикого кошмара, а после, потянулась вспять к Первому. Подобно изысканному грибку Physarum polycephalum, кровь вела себя разумно. Она не знала точно где №1, но стоило одной небольшой капле коснуться тела Первого, и вся кровь набросилась на него, пытаясь съесть.

Так только казалось со стороны.

На деле же, вся кровь впиталась в раны, и будто бы закрывая за собой дверь, вежливые господа, закрыли рану. И на руке, и на лице. Даже шрама не осталось.

А после, №1 обратил взор своих красных глаз к трофею. Его первый трофей, и первая пища.

Лишь только впившись зубами в грязную шерсть и прокусив её, Первый перестал слышать биение сердца жертвы, она только что умерла, испустив последний вздох. Тем временем, кровь волка попала на язык к №1. Ему не так уж важно, есть ли мясо или обгладывать кости, но кровь была, его личным предпочтением, как-то, чем он питался раньше, и чем питаться дальше будет.

Торжественный лик Первого померк, когда он понял, какой фальшивой была кровь волка. Тогда он смог дать оценку, пусть ранее и не жил.

«Отвратительный вкус».

Оценка была привилегией тех, кто жил, и первый должен был иметь то, на что опираться. Все познается в сравнении, и кровь волка он сравнивал с чем-то давним, возвышенным. Будь у №1 больше слов, он выразился бы так: «Божественный нектар, с которым приземленная вода не сравнится никогда, в каких бы количествах я её не выпил».

Кровь ужасного качества не заставила его отречься от неё. Наоборот, он лишь сильнее начал её высасывать. Сначала ртом, а после помогал и магией. На уровне рефлексов, тот подчинял кровь трупа и вытягивал её всю из тушки.

Одного волка ему не было достаточно, а потому, растерев кровь у рта, он подобно настоящему маньяку, пошёл дальше, и чем дальше он шёл, тем сильнее становился.

***

В его арсенал входило: манипуляция кровью, сверхчеловеческая сила, скорость и регенерация, а также частичная трансформация. Единственной слабостью Первого был день. Как оказалось, №1 — ночной охотник, а его интуиция ему в этом помогала. Сила и скорость превосходила обычный уровень животных. Рукой он вполне мог завалить дерево, пускай в процессе и сам

сломает руку. Рука, если она сломалась, зарастёт за считанные часы, про мелкие порезы и говорить не приходится.

За время охоты, Первый учился, и учился он быстро. Перенимая лучшее от противников, он взял и когти, и клыки, через которые поглощать кровь было проще, чем через его первые зубы.

Можно даже сказать, Первый был в чем-то совершенен. Он полностью адаптировался к местности за очень короткий срок в три дня.

И быть ему всесильным, оставаться на вершине пищевой цепочки, если бы он не повстречал мужчину. Не такого же как он, почему-то №1 считал, что раз все волки похожи друг на друга, то и его собратья будут подобны ему. Он ошибался по незнанию.

У собрата была колотая рана, он что-то быстро говорил, но Первый ничего из этого не понимал. Его не учили языку, впрочем, он быстро набирал так недостающего опыта.

Все же, Первый не был гениален, тот был простым, а его интуиция больше напоминала старые воспоминания, которые тем больше раскрывались, чем больше он прожил времени.

Охотник напротив Первого торопился, он объяснял ситуацию, но заметив замешательство первого, заткнулся. Впервые охотник оглядел встречного человека оценивающим взглядом.

Чуть выше метра восьмидесяти, широкоплечий, мускулистый, обтянутый гладкой и белоснежной кожей. Взгляд паникующих глаз шел от пят и к голове. Чем дольше взгляд охотника оставался на теле Первого, тем больше он поражался его красоте, словно рукотворной.

Из-за срочности, ему не было дела до того, почему торс Первого был перевязан необработанной шкурой, он просто это не заметил.

Встретившись с алыми глазами Первого, охотник тяжело вздохнул. Только открыв рот, он пытался о чем-то спросить, как сзади выскочили двое недоброжелателей.

С рабочими луками за спиной, незваные гости наводили ужас и отчаяние в охотника, который все больше отступал, чем ближе подходили бандиты. Он попросту забыл о Первом, и его странном виде.

Упершись спиной о №1, охотник понял, что сделал. Его рана на боку заболела, а ноги подкосились.

Упав на землю, нападавшие приостановились, начав болтать. Они переговаривались между собой и чем дольше они говорили, тем больше понимал Первый. Что-то о «защитнике», а дальше смех со стороны нападавших.

Хмурый взгляд №1 их не беспокоил, а потому они начали подходить.

Тогда же, сотворилось то, чего на интуицию не скинешь. №1 впервые осознанно применил магию. Уникальная школа магии, Магия крови, она тут же продемонстрировала свою боеспособность.

Словно ручейком воды, Первый нанес упреждающий удар, который был фатальным. Он управлялся кровью так мастерито, словно всегда ею управлялся. Размахивая кровью как хлыстом, и как пилой, №1 отсек головы, ещё не успевшим пискнуть бандитам.

А после, умер и охотник. Причиной смерти была слабость Магии крови. Кровь нужно было откуда-то брать. Радиус Первого оказался мал. Он мог взять под контроль собственную кровь в радиусе пяти метров, а чужую в сорока… сантиметров.

— Ма… ма… ка, — прочистив горло, Первый впервые заговорил, и звуки, которые он издавал были несвязны.

Обед, нет, целый пир из трёх добыч был шикарен, учитывая, что сам №1, оценил кровь человека как лучшее что он пробовал за последнюю неделю.

Чем дольше жил №1, тем сильнее он становился. Если исходить из текущих значений, то Карс уже давно вышел за пределы обычного человека, крестьянина или охотника. Его сила словно пребывала в подавленном состоянии, а сейчас постепенно приходит в изначальное значение. Подобно ускоренному взрослению, где лев отличается от львёнка тем, что вырос.

Это неминуемо привело к тому, что он задавал все больше вопросов, которые оставались без конкретного ответа. А те, на которые Карс давал ответ были неверны. Поправлять его никто не спешил, а потому ответы закреплялись. Если невежество подобило дикой кошке проворной и умной, то ложные выводы, они же заблуждения в сравнении оказались драконами.

Легче научить с самого начала, чем переучивать.

***

У мужчины было достаточно времени, чтобы придумать себе имя. Как слышал Первый, к охотнику обращались по имени, Карл.

Свое же имя, он выбрал чуть другое, с наклоном в шипящие звуки, их было легче выдавить из себя.

— Карс.

Мужчина впервые назвал себя, и был этим горд. Он считал себя первым Карсом, не представляя, насколько обширен внешний мир, и сколько ещё «Карсов», он встретит по пути.

Путешествие Карса продолжилось неспешно. Он постепенно отвыкал от чащи леса, и привыкал к его менее плотной среде. Его путь лежал туда, откуда и пришли первые встреченные люди, воспоминания о которых он так быстро выбросил из памяти.

***

В древние времена, люди считали грозу гневом бога, а простой дождь, лился по строго определенной причине. К примеру, из-за чего-то недовольства, и чтобы успокоить буйную стихию, нужно было преподнести дары.

Хочешь жить лучше? Принеси в дар богам козу, а лучше целую корову, чтобы показать почтение богу, мол отдаешь ему самое дорогое, что есть. Не забудь три раза помолиться, это обязательно, боги любят число три, поэтому неси ещё две коровы.

В общем, смутные времена, за которые люди считали стихию неукротимой и всесильной. Матушка природа была непреодолимой горой, которую не перелезть.

Но, так было только в мире без великой силы, там, где магию воспринимают в шутку, а все

явления природы можно объяснить и даже предсказать.

В этом мире, гром и молния никогда не вызывали благого трепета в сердце человека. Людям незачем думать о незримых богах, приносить им в жертву в качестве жеста доброй воли. Страхи человечества стремились совсем к другому существу. Возможно ли поэтому природа так жестока на отдельных участках земли? Потому что человек боится человека, а вовсе не её. Природа — капризная дама, которая облизывается на чужое внимание. Она добра к тем, кого желает видеть, и вовсе не мила с заигрывающими магами. Они отбирали у природы её предназначение, её цель и смысл.

Однажды, даже в мире без магов и волшебства, природа утратит свою суть, так может пора ей уйти со сцены?

***

Карс сидел в пещере. Неглубокая дыра в скале, с первого взгляда казалась искусственной. №1 смотрел на тот кусочек неба с тоской, о которой и сам не ведал. По определённой причине, он был весь хмурый, а все из-за ужасных темных туч. Их раскаты грома и вспышки молний, срок жизни которых лишь одно мгновение.

Все это пробуждало что-то, чего в Карсе не должно быть. Его первобытные страхи и волнения. Как тот, кто руками камень раскрошит, мог бояться ливня и туч? Ситуация собиралась преобразиться в жалкую шутку неудачного комика, если бы не была такой обременительной для Карса.

Проводя время в пещере, при каждом ударе грома, его виски пульсировали, а сознание, словно находилось между молотом и наковальней. Ужасная мигрень, не проходила даже после того, как Карс пальцем пробил до крови виски и начал пальцем копаться в мозгу.

Регенерация помогла ему пережить такой травмирующий опыт, но дальше, все только ухудшилось.

Красные глаза помутились кольцом тьмы, которое пульсировало в такт сердца, все сильнее приближая заветную кончину. По неизвестной причине, погода влияла на него сильнее всяких стрел и копий. Острие меча в сердце не могло принести такую боль, какую он сейчас испытывал.

Спасительное беспамятство, когда тьма поглотила весь радиус обзора Карса, не наступила.

Едва притронувшись рукой к шее, Карс и думать перестал о незначительности события. Воздух в теле закончился. Кислород истратился, а нового не поступало. Проще говоря, №1 задыхался, он не мог вдохнуть, и причины, если они и есть, были вне досягаемости разума.

Карс поднялся на ноги. Не видящий, не слышащий, в полной изоляции и с болью по всему телу, в его голову вдруг пришло озарение. Решение проблемы, нет, не решение скорее её временное отложение, ведь если он не сделает сейчас что-то, то умрёт, закончит жизнь и закроет книгу.

Вырастив на правой руке когти, мужчина полоснул себя по вене, откуда обильно начала течь темная кровь. В обычном состоянии кровь не должна так быстро покидать организм, но Карс помогал ей вытечь быстрее. Кровь лилась вовсе не на землю, а оставалась висеть в воздухе, кружа вокруг мужчины. Своей левой, надрезанной рукой, он проделал то же, с правой. А после, застывшая в воздухе кровь попадала назад в организм, из левой в правую.

Как и упоминалось, Карс не был гением, но вполне умным. Его интуиция больше напоминала библиотеку знаний, чем настоящее чувство. Тем не менее, оно не раз доказывало полезность, а потому вера в свою интуицию помогла ему выжить.

Сам того не понимая, он искусственно насыщал кровь кислородом, возвращая её назад в кровоток. Такая техника позволила ему прожить на пять минут дольше, прежде чем зрение вернулось, а дыхание приняло на себя неблагодарную работу.

Мужчина упал на пол и закашлял, стоило всему закончиться. Его лоб был полностью покрыт испариной, ведь как ощущал Карс, притронувшись к сердцу, ещё бы несколько секунд и даже его «Экстренное переливание крови» дало бы сбой. В сути своей, оно изначально ущербно, ведь углекислый газ из крови удалялся лишь в малых порциях.

Пытавшись надышаться как можно больше, Карс и не заметил резкой слабости, которая набросилась на его беззащитное тело, подобно тигру на антилопу.

Следующим днём его встретило такое же противное солнце. Ни солнце, ни тучи, особо ему ничего не нравилось. Вот ночное небо, и красота звезд привлекала внимание, но не более.

Одет Карс был в то, чем были богаты встреченные им люди. Лёгкая рубаха, поверх которой была кожаная безрукавка с шнурками вместо пуговиц. Штаны были как можно более темно-зеленого цвета, чуть более похожи на окружающую траву, и ночью такие не отличить от окружения. Ботинки же, не подошли размером, ни одни, поэтому Карс взял те, которые больше всего подходили, пусть и были на размер больше.

За пределами пещеры оказалось мокро и сыро, что не должно удивлять. Разве может человек удивиться тому, как зимой падает снег, а летом жарит солнце?

И все же, Карс был любознателен. Это был его первый дождь, фактически первая гроза и катастрофа. Отныне, он хорошенько запомнил боль, которая сопровождала грозу.

Лужи оказались отличным зеркалом, в котором Карс впервые себя увидел. Черты собственного лица, он знал прекрасно. Не раз касаясь его, составлен был примерные образ, но то, что он увидел, оказалось на совершенно другом уровне.

Люди поговаривают, что зеркало — другое измерение, мир умерших покойников, и обращаться с ним должно соответственным образом, ведь не дай бог с ним что-то случиться и потусторонний мир заберёт тебя к себе навеки. Именно поэтому зеркало не принято оставлять напротив покойника.

Ломив спину над небольшой лужицей, сильнейший №1 корчил рожицы, подобно маленькому ребенку. Винить его нельзя, все же ещё рос он, пускай и не по годам.

В один момент, Карс остановился и удивлённо округлил глаза. В его голове промелькнул мрачный вопрос, ответ на который подсознательно всплывал наружу: «Могло ли простое отражение в воде показать мне то, чего нет?»

Ответом было…

«…зкий…»

Холодок, который липкими лапками, пробежал по спине Карса. Его первый страх затуманил всякую осторожность и здравый смысл.

Отражение в воде дорисовало страху очень жуткие "глаза" существу позади, одного слова которого достаточно, дабы умереть.

Карс бросился назад, не разглядывая вражину. Один взмах руки и дерево в двух метрах пало. Ещё один и снова трескающий звук древесины. Удары Карса мощны настолько, что могли без проблем пробить и трех людей насквозь, хватало бы длинны конечности.

Тем не менее, угрожающая атмосфера никуда не растворилась, наоборот та сгустилась как туман. Взор Карса изменился, весь его мир покраснел. Лужа воды, теперь казалась кровью, зеленая листва деревьев, что кости и кишки. Мироздание преобразилось в один единственный миг. И в нем, в том самом мире было его изображение, где позади, около самой близи, повисшим на спине Карса был «Он». И молвил «Он»:

«Провал».

Карс пропустил удар собственного сердца. Внутренние органы застыли на мгновение, подобно смерти, всего мгновение, но его хватило сполна, чтобы Карс упал на колени там же где и стоял, утратив всякую волю к отступлению и жизни. Лишь его воображение, только лишь слабое и ни на что не способное воображаемое «Он», заставило Карса склонить голову и пасть на колени.

Не было ничего хуже, чем слышать «Его» недовольство. В мире нет такой вещи, которой не в радость служить «Ему». А потому «Его» злость, это злость всего мира.

И тогда Карс вспомнил. Вспомнил то, почему жив. В борьбе за тело, восемь осколков личности слились, образовав нечто новое. Для постороннего такое покажется прекрасным завершением, но для «Него», такое было:

«Мерзость».

Увлеченный природой и жизнью Карс забыл, как все обстоит на самом деле. Дабы одержать победу просто желать выжить было мало. Естественно её недостаточно, ведь все хотят выжить. Чтобы победить, у осколка должно быть ещё что-то. Да, Карс вспомнил о том, что подтолкнуло его израненную душу ожить.

То была Цель.

Пустота внутри груди Карса открылась и повеяло от неё могильным холодом. Вся округа вмиг оказалась заморожена. Лужи покрыла корка льда, а трава укрылась за инеем лишь бы не видеть Карса.

В потерянном осколке света, средь кромешной тьмы, тлели такие крохотные мысли как «Провал» и «Мерзость».

Всего два слова, но они ложились основой на душу Карса. Та неудовлетворённость и разочарование. Два слова несли полностью негативный окрас, и в то же время, заставляли Карса думать так: «Я должен их исправить».

Фундаментальные мысли не были тем, что поддается логике. Ведь мысли были лишь инструментом к тому, чтобы создать Цель. Именно цель «Исправить», даровала ему корону первенства. Именно цель позволила ему поглотить остальных.

Поднимаясь с места, поднялся и взгляд Карса. Уже и без отражений, в морозном окружении

стоял «Он». Карс помнил только нижнюю часть лица, поэтому, «Он», был не полным. За место глаз, бровей и пышной кнопы волос, там была голова охвачена огнём.

А рот «Его», улыбался такой кривой улыбкой, что впору треснуть самому пространству. Карс вспомнил цель, и больше не забудет. Нахмурив брови, он оперся локтем о дерево. Магическая сила исчерпалась и больше Карс не мог свободно колдовать. Ему нужна была пища, дабы восполнить ману.

И одна добыча уже ошивалась у порога.

Мороженная трава захрустела спелым снегом под миниатюрной стопой.

Напротив измученного Карса, в семи-восьми метрах, появилась девочка не больше двенадцати лет. Она держала кипу бумаг, плотно прижимая их к себе, как будто у неё находились сокровища национального уровня.

Принюхавшись, Карс поморщился, ведь узнал запах.

— А вы кто?

Белокурая дева с широкими, голубыми глазами. Одета в простецкое платице, под локтем держала переплетенную корзинку в которой было лишь одно кроваво красное яблоко.

— Монстр, — ответил Карс чуть погодя. Тот вспомнил, как его назвал Карл перед смертью. Считая всех людей одинаковыми, пусть видел Карс лишь трёх, он посчитал, что девочка убежит, обозвав его монстром, а ему придется за ней бегать.

— Фуах! Так вы Дракон?! — изумлённое лицо ребёнка повергло Карса в лёгкий шок. Кризис личности прошёл всего за пять сотых секунды, и он громко фыркнул, после, развернулся спиной и начал идти в другом направлении.

— Глупости, — ответил Карс, и ушел не попрощавшись.

Рассудив так:

«Девочка маленькая, крови мало», Карс решил не бегать за ней, лишь зря потратит силы. Уж быстрее будет отхватить парочку кабанов от животного мира.

— Скажите, а у Дракона есть имя? — девочка держалась, не так близко, чтобы её можно было захапать рукой с разворота, но и те три метра которые разделяли ребёнка и монстра вовсе не были безопасными.

Сорок метров вот какой разрыв должен быть между ним и человеком, чтобы считать второго в безопасности.

— А у девочки есть имя? — несколько грубовато ответил Карс, продолжая идти сквозь деревья. Его красные глаза иногда теряли девочку из виду, когда та заходила за широкое дерево, но нюх Карса ощущал её всегда.

— Я первой наказала! Фуах! Какая невоспитанность, — девочка пожурила Карса пальцем, а после подумав добавила: — Но все же ты дракон, я считаю, такое можно простить?

Видимо вопрос ребенок отфутболил мужчине, но тот не понял контекст и остался молчаливым, с совершенно непроницаемым лицом.

— Верно! Верно. Я тебя прощаю, да. Фуах! Ну разве я не принцесса?! Добрая и нежная, прощаю даже Дракона! — девочка отложила кипу связанных бумаг в корзину, накрыв им яблоко и сложила руки в подобии молитвенного жеста. Кажется, ребенок подражал увиденному, ведь со стороны все казалось очень наигранным и неправильным. Закончив с молитвой, девочка приблизилась ещё на метр и самодовольно улыбнувшись, выгнула корпус вперёд и уложила руку меж грудей, гордо залепетала. — Имя, которое мама и папа подарили мне — Анна-Роуз! Принцесса Алого королевства! Дракон, я жду твоего ответа.

Шальная мысль проскочила на каменном лице Карса. Половинка его рта приподнялась, ведь ему показалось забавным выступление.

Сегодня он впервые испытал страх и смех. Печаль и радость. Эмоции, которые не должны себя так быстро чередовать были для него чем-то обычным. Период радости, как и грусти у Карса был на порядки меньше обычного человека.

***

Дофамин, который впрыскивается в кровь организмом, вызывает чувство расслабления и полного удовольствия, не странно подумать, что дофамин возможно, и есть гормоном счастья для человека, ведь за каждый тяжёлый труд, человек получает его порцию. Разные казино и игры, пользуются таким способом, вызывая чувство дофамина за короткий промежуток времени. То некое приятное послевкусие от хорошей шутки, может как угаснуть за час и вернуться в нейтральное, так и растянуться на несколько дней.

С другой же стороны, подавленное состояние из-за шока, стресса и страха, держится на прохожих принципах.

Представьте себе прямую, которую мы назовём «Нормальное состояние», счастье, грусть, печаль, ненависть, злость, ярость, восхищение, любовь и так далее, все это отхождение от этой шкалы. Каждая эмоция рано или поздно угасает, ведь организму незачем все время быть счастливым или грустным. Ему не нужно все время любить. У обычных людей, разные эмоции сходят на нет за разное количество времени. Кто-то может злиться не дольше пяти минут, а кто-то и через месяц продолжит таить злобу. У одних пар, любовь разгорается и гаснет за месяц, а у других она сохраняется на годы. Вечной любви не бывает, и даже в самых длительных браках люди перестают любить друг друга как прежде. На место любви приходит более длительное состояние привязанности.

***

Карс не был человеком, пускай и обладал похожей анатомией. Как уже упоминалось, все его эмоции возвращались к прямой «Нормальное состояние», в разы быстрее чем у человека.

Боль, ужас, замешательство, пока что эта функция только помогала.

— Карс, — улыбка убежала с лица Карса. Продержалась она всего несколько секунд. Мужчина остановился, а за ним перестала топать и девочка. Полуобернувшись к ней, Карс продолжил говорить с налётом чего-то холодного и в некотором роде металлического. — Анна-Роуз, я убил твоего отца.

Вероятно, посчитав свои действия слишком неэффективными, игнорирование девочки ничего ему не принесло, Карс решил её напугать, лишь бы та сбежала, ведь в ином случае, причин оставлять её в живых не будет.

Светлый лик Роуз оказался запятнан знаниями. От слов Карса, её лицо ни на миллиметр не дрогнуло, пускай Карс и заметил, как она покрепче схватилась за локти.

— Я знаю, — несвойственно коротко ответила Роуз. Оно оторвала взгляд от глаз Карса и опустила его на потрёпанную одежду в которую мужчина был одет. — у тебя его кожаная безрукавка и сапоги. Во внутренней обделке безрукавки есть вышивка с белым цветком.

Карс не поскупился на время и заглянул туда, где и вправду нашёл то, о чем говорила Роуз.

— Надо же, — коротко прокомментировал слегка удивленный мужчина. — И почему в таком случае, ты ещё не убежала?

Задрав кончик носика чуть выше, девочка перемялась с ноги на ногу, в слабых попытках не показывать своего страха. Для маленькой девочки, Роуз уже достойна награды и премии за стойкость. Возможно в этом плане взыграли гены родителей-авантюристов, которые по долгу работы должны выдерживать покалывание во всем теле, ноющую боль внизу живота и тряску коленей от сводящего с ума страха.

— Я думала, это с-совпадение, — как на кристаллическом чистом льду виднеется маленькая трещина, так и в самых смелых словах, в уши особо сильно бросались заикания, пугливость. — ты, г-глупый Дракон, направляешься в мою д-деревню! Куда мне пойти если ты заберёшь мою м-маму!

Лёд медленно, но верно трескал, а под его толщью виднелось золотое сердце Роуз.

— На самом деле, мои подруги очень уродливые! Они страшные и не вкусные, как и мама!

Развитая не по годам Роуз заставляла Карса удивляться все снова и снова, и снова. Его удивленное лицо едва не переходило в шокированное лишь из-за маленькой девочки и её слов. В обычной ситуации, шок Карса не продлиться и секунды, но тут, уже как пять, секунд он слушает как ребёнок поимённо обзывает своих знакомых, родственником и вообще всю деревню. Лишь бы Карс потерял желание их есть.

«Горда, умна и преданна».

Ранее Карс не находил причин оставлять её в живых. Стоило малышке подойти чуть ближе, и мужчина тут же убил бы её без зазрений совести. И лишь внутреннее чутье все шептало ему, скреблось в ухе словами: «Подожди, ещё немного».

В который раз, Карс положился на интуицию. Ведь когти, клыки, стильное тело и магия, все это было вторично. Настоящей силой Карса была его феноменальная интуиция, которая временами подсказывает уж слишком необычные решения, которые ни коем образом не могли образоваться в голове Карса. Слишком у него мало жизненного опыта, чтобы развилось такое фантастическое, граничащие с магией, чувство.

— Подходишь, — отправив слово в раскрасневшееся от волнения и страха Карс шагнул уже в сторону девочки.

— А-а… — Роуз же, остановила губы, которые все время поливали грязью всех. Поперхнувшись воздухом от неожиданного сближения мужчина, она отступила на шаг. Руки безвольно упали, как и та корзина с единственным яблоком и книжкой.

Девочку прижали спереди и сзади. Мимолетно заметив краем уже слезящихся глаз, Роуз

поняла, как несвоевременно её подставило дерево сзади.

Спереди же, полностью закрыв собой как пути к отступлению, так и само солнце, был широкоплечий Карс.

— Я-я, отдам свое тело, глупый дракон, только не иди в том направлении! — как и любая девочка в её возрасте, Роуз уже знала и о «таких» вещах, вернее, слышала слухи от взрослых. Слова сверху были взяты из диалога старой подруги матери и собственно самой матери. Этот диалог Роуз подслушала ненамеренно. Как говорила та подруга, если симпатичная девушка скажет, что отдаст свое тело, а взамен попросит чего-то не делать, то мужчина, кем бы тот ни был, выполнит желание.

Роуз считала себя писанной красавицей, и в общем, её же рассуждения не далеки от правды, только правдой эти рассуждения станут через лет восемь или девять. А сейчас же…

— Помолчи, — оборвав не только слова, но казалось и мысли девочки своим приказом, Карс нежно приподнял её подбородок, и покрутил в разные стороны, словно выглядывал место с которого будет лучше начать есть.

Сердце девочки больше не могло сдерживать свое биение, и билось оно так громко и быстро, что начало нервировать самого Карса. Разволновавшись не на шутку, Роуз не знала, как убрать раздражающий звук, как заглушить сердце, её страшило осознание того, что Карс слышит её сердце, словно знает о её мыслях. Возможно именно так и ощущает себя антилопа зажатая со всех сторон усмешками гиен.

Карс потянул её подбородок ещё выше, а сам начал опускать лицо, как только что-то наметил.

«Целует?!» В прострации подумала девочка, но спустя мгновение, горячее дыхание Карса переместилось ниже, прямо к её… Шее.

— Ой!

Напоминая себе дурочку, которая извиняется за все, и за чужие проступки тоже, Роуз словно извинилась за то, что Карс укусил её за шею.

А после, девочку поглотил мрак, который завесой скрыл для неё то, что было далее.

Доверяя собственным чувствам, Карс использовал неизвестные ему шаблоны, знания, которые ему не принадлежали и вряд ли когда-то будут. Весь процессе в самом Карсе больше напоминал беспощадный инстинкт, что не остановить волей разума. Впрочем, для него это не важно, он исполнял свою миссию, свой долг, свою Цель. Не только кровь, но и остатки магии, которые успели возобновиться, Карс тратил на то, чтобы преобразить тело девочки. Не внешне, нет, он по достоинству оценил красоту, которая была ему по нраву. Он менял её внутри. Точно так, как делали с ним, но с одним различием.

Все же Карс был одним из множеств осколков, который лишь по прошествии некоторого времени слепился в одно целое. Роуз же, изначально будет целой, но приобретёт новые умения, возможности и силу.

В успешной попытке исправить уродство собственного вида, Карс и сам не понял, как создал нечто совершеннее самого себя.

***

Её нежные ручки коснулись собственной головы, в то время, как сама голова испытывала лёгкую ноющую боль. Знавала б девочка о алкоголе, и поняла бы что у неё утренняя детоксикация, вот только, случилась она без алкоголя.

Приняв положение сидя, Роуз ещё не открыла глаза и только тонкие, светлые брови хмурились от раздражающей боли, принимая латинскую букву «V».

Девочка приложила ладонь ко лбу, и потихоньку начала его тереть. Раньше, когда голова её беспокоила сильной болью, мать таким образом успокаивала ребенка, сейчас же, он успокаивал себя сам.

— Мама… — тихо прошептала Роуз, тут же отметив, как слаб и сух её голос.

— Ты уже проснулась, — оповестил её голос мужчины.

И тут, как щёлкнув тумблером, над макушкой девочки появилась метафорическая лампочка, которая моментально засветилась.

Роуз вспомнила свои последние минуты, часы и дни. Видимо, ребёнок считал, что его тут же сожрут, когда глаза откроются и мир для Роуз станет видимым. Своеобразный «домик», где «если я не вижу, то и меня не видят». Все же девочке было ещё только двенадцать лет, конечно она была ребенком, пусть и очень умным, и добрым.

Карс же, заметив ещё более плотно закрывшую глаза Роуз, только безмолвно улыбнулся. Он уложил добычу на пол, и подбил её к Роуз, сурово говоря:

— Ешь.

В завершение, тот должен был добавить: «Или умрёшь голодной, в следствии трансформации», но решив не засорять свой рот бесполезными словами, Карс был приверженцем прямолинейного дела, отчасти, связано это было с малым количеством социальных контактов.

Роуз достаточно упряма, и умна, чтобы понимать, кормить её будут не просто так, за еду надо платить. Учитывая, что он с ней сделал (а она не знала, что он с ней сделал, но логично посчитала боль от превращения, следствием насильственного соития), Роуз и вовсе не могла понять, какую цену может заплатить ещё. Поэтому стойко не открывала глаза.

В тщетных попытках отрицать реальность и «закрывать глаза» на творящийся вокруг ужас, Роуз все больше и больше понимала в какую глубокую выгребную яму её скинула жизнь.

Осталась наедине с монстром-драконом, подверглась его изнасилованию, с разболевшейся головой и… Девочку внезапно посетил аппетит. Ворвавшись без стука и предупреждения, этот вельможа с золотой тростью, казался самым голодным человеком на планете.

Легким, аппетит не назовешь, он был гигантским, как фигура Карса, нависающая над Роуз. Блондинка собиралась уже плакать от безысходности, ведь, обе её руки заняты, одна на лбе, другая покоилась на животе, а глаза упорно заперты.

Девочка долго не решалась открывать глаза, но… голод побудил её маленький носик, который по мановению магии, обрёл острый нюх, (который она никогда за собой не припоминала), принюхаться к округе. А ощутив приятный запах рядом, все же поддалась соблазну, и сквозь растопыренные пальцы, приоткрыла один глаз.

И тут же вскрикнула, в спешной попытке отойти подальше, как если бы ей на день рождения подарили полноценную сказку с красочной обложкой и ещё более захватывающим сюжетом. Правда во втором случае, крик будет от счастья, а этот происходил от ужаса.

Девочка плюхнулась на причинное за два метра от того, что побудило её вскрикнуть. На глаза блондинки попал труп животного. То был безобидный кролик сколько могла судить по увиденному Роуз. Её ужаснула не столько картина трупа, быстрее это сделали кровавые следы вокруг кучи кишок, над которыми уже собирались мухи.

С отвращением, усмотрев в трупе то, что её влекло такое безобразие, лицо Роуз ещё сильнее исказилось. Теперь блондинку тошнило и от собственного выбора.

— Мне не удалось взять его целым, он оказался на удивление быстр, — слова Карса, спокойно наблюдавшего за всеми невинными потугами новообращенной, казались твердыми как камень. Те вовсе не пытались оправдаться.

— У-у-ужасный дракон! Что… что ты сделал?!

— Поймал тебе еду, вот, здесь ещё есть, — кроме кролика, который был ближе всего, рядом с Карсом находилась вся кабанья семья.

— Я не об этом! Фуах! Что ты со мной сделал? — ударив себя по груди, девочка едва не переборщила, ведь очень сильно приложила о грудь ладонью.

Чувства Роуз обострились. Не только нюх, но и слух и даже зрение, по отдельности эти изменения ещё можно было принять на веру, но все сразу, улучшали внешние органы восприятия на совершенно новый информационный уровень. Отныне Роуз обладала нечеловеческими чувствами, силой и регенерацией.

— Я сделал тебя собой.

— Я теперь мальчик?!

— Неверно, ты теперь не человек.

Подозрительно зыркнув на Карса, Роуз убрала белоснежной рукой, прядь длинных волос. Её кожа претерпела изменений, отныне она была бледной, как и у самого Карса.

— И что дальше?

— Ешь.

— Не буду.

— Ты умрёшь от голода, — в такой же резкой манере ответил мужчина, после чего добавил, вдруг вспомнив одну деталь. — это будет мучительно больно.

Он знал, что люди боятся смерти, а ещё он понимал, как человек относиться к невыносимой боли, практически приравнивая эти два понятия.

— Мне все равно, я это есть не буду, — Карс не понимал, как говорить с гордой и упрямой девицей.

— Достаточно и крови выпить.

— Ещё чего! Ты совсем дурак? Глупый дракон, фуах! — совсем осмелев, ведь не видела больше угрозы, Роуз вновь продемонстрировала свой характер, как и выпяченную вперёд грудь «никакущего» размера.

Карс тяжело вздохнул, поднимаясь с места и подбирая в руки тело кролика. Ему вновь пришлось потратить чуточку собственных сил. Пускай за время отключки Роуз, он и успел себя прокормить, Карсу все ещё требовалось время, чтобы восстановить силы.

Приблизившись к блондинке повторно, Карс использовал магию крови, заставляя кроличью кровь вытекать из раны в брюхе и собираться в пузырь над собственной ладонью.

От пузыря начал отрастать щуп, который в мгновение ока, приблизился к рту девочки, что пораженно, затаив дыхание, наблюдала за шоу. Что ж, пришло время и ей в нем поучаствовать.

— Открывай рот, — зачарованная изменчивой формой кровяного потока, блондинка без лишних слов открыла рот, который тут же наполнился алым.

«Как сладко!» Роуз и не подозревала, что кровь на вкус слаще мёда. Никто из взрослых такого не говорил, из чего происходило дивное решение девочки.

«Все скрывали от меня такую сладость!»

Ложные выводы.

— Все, остальных сама, мне нужно набраться сил, — закончив на этом, Карс выбросил тушку в кусты, а сам отошёл подальше и присел, опершись спиной о дерево. Пускай мужчина и говорил холодно, но сам он неосознанно присматривал за ней.

И началось то, о чем девочка не раз слышала, но ни разу не видела.

Магия не была в её деревне обычным явлением, пускай парочку раз в парочку лет, к ним проездом и попадали маги, зачастую те были довольны слабы и ничтожны. Чего ж ещё ждать от магов средней ступени?

Впрочем, какие маги, такие и слушатели. Роуз, как умная блондинка, знала, для заклятий нужные слова. Ни один маг, которого она помнила, перед тем как выпустить огонь из рук, не забывал прочитать слова.

Как на испытании профпригодности, Роуз было некомфортно спрашивать очевидное. «А какие слова надо сказать?» Разумеется, никаких, ведь Карс сделал это без них. Вытянув руку к телам убитых животных, Роуз пожелала.

И прохлада горной воды пробежалась от стопы и через грудь прямо в руку. Девочка ощутила некую надвигающуюся силу. Она была мала и незначительна, но очень податлива. Сравнила Роуз это с… как ни странно, желанием писать. Оно из тебя прёт, но ты можешь его подавить при желании.

Тут же, листва у ног Роуз зашевелилась, а кровь животных в пяти метрах, пришла в движение.

«Как я и думал, сила, краснеющие глаза…» иронично подметил Карс, тут же отмечая проворность девочки в использовании магии крови. Она могла воздействовать на чужую кровь издалека, как минимум пять метров радиуса, тогда как Карс, не больше радиуса вытянутой руки, и то, потому что он возьмёт или коснется чужой крови. Черноволосый мужчина

специализировался на управлении собственной крови.

А девочка тем временем, с гастрономическим интересом наблюдала за тем шаром кровь, который она вытянула из четырёх кабанчиков. Облизавшись в предвкушении пира, Роуз заметила что-то странное. Это было в её ротовой полости, нет, на её границе, прямо на зубах.

Удивившись, Роуз провела пальцами по зубам и поняла одно, у неё почему-то появились два острых клыка, как и у волков, только несколько тоньше и мельче. Блондинка помнила, как ранее такая «фишка», отсутствовала.

Недоумевающая и все ещё с пальцами во рту она произнесла: «Шфо эфо?», Ответ ей поступил очень быстро и оперативно: «Ими проще было прокусывать шерсть и кожу, они не опасны и уберутся, как только ты насытишься», пояснив основы питания другого вида, Карс чувствовал себя подобно отцу, исполнившим отцовский долг.

А тем временем, к Роуз потянулась тонкая струйка крови, которую она не спешила выпить полностью. В отличие от практичного Карса, для которого вся кровь была посредственной, кроме «Его» крови, Роуз вкушала и забавлялась с кровью как могла. Ребенок, что дорвался до магии, вот кем она была.

«И вовсе не боится крови», мелькнуло в голове Карса. Было ли это отклонением вызванным трансформацией, или девочка изначально не страшилась алого и красного, покажет лишь время.

И за время, как некая Анна-Роуз испивала кровь, вовсе не боясь себя запачкать, Карс начал понемногу говорить. Изначально, он считал, что должен исправить себя для исполнения цели, но встретив Роуз, понял, чем будет заниматься. Отыскивать людей, чьи характеристики, навыки и характер подходили под внутренние критерии, а после превращать их в себе подобных. Только таким образом фундаментальное разочарование спадет с него, а незавершённая фигура создателя покинет поле зрение. И проклятье его вида полностью спадет.

Закончив с кровью и прослушав слова Карса, Роуз слегка подтерла кровь пальчиками, но только больше размазала её у губ, что делало её похожей на дикое животное, которое вернулось после охоты.

— Ты собираешься путешествовать? И забрать меня с собой?

— Нет. Если я начну, такое длительное путешествие, оно займет слишком много времени. Мне нужны помощники.

Опустив голову прямиков в омут с думами, стать Карса напоминала знаменитую работу Огюста Родена «Мыслитель». Мысли мужчины толпились так сильно, что напоминали дымку от сигары или утренний густой туман, сквозь который, Карс не заметил присевшую справа девочку. Она мыслила вдвое меньше, и втрое проще Карса, но разве не в этом была эффективность? Если можно дойти до той же самой мысли, но быстрее и проще, разве не это показатель настоящего ума?

— Попросим моих друзей, — с ожиданием в голосе утвердила Роуз. Сотня вопросов, которые собирался задать Карс отлетели по одной простой причине. На них в следующую секунду дали ответ. — Я уговорю их сотрудничать, они предоставят еду и дом. Тебе ничего не придется делать, просто доверься мне.

«Что это было?» Разум Карса повернулся и направился прямиком к девочке, которая сидела перед ним.

«Разве не она просила меня оставить её деревню в покое? Она блефовала? Нет, в этом не было никакого смысла. Тогда почему?»

Карс задавался вопросом, имело ли место быть его вмешательство. Не изменил ли он по чистой случайности личность девочки, которая нужна была прошлой. Что же случилось с Роуз, что её мнение так быстро изменилось? Разве это нормально?

Карс был умным, но не гениальным. Роуз не была умной, она была гениальной.

Подобравшись к корзинке и подобрав её, она вытянула оттуда книгу и яблоко, а после протянула сидящему Карсу книгу.

— Фуах! Дракон! Ты украл принцессу и сделал её драконом! Так почему бы новой принцессе-драконе, не помочь тебе?

Роуз не столько желала отвадить от собственного «народа» Карса, сколько желала приручить дракона, и с обретенным могуществом защищать собственный народ от любой угрозы.

Изменилась ли Роуз?

— Хм, — Карс тихо хмыкнул и поднявшись, взял книгу без обложки в руки. — Отлично.

Это была сделка между человеком и чудовищем. Однако вопрос, что мучает умы, остался един. Где в этой сделке человек, а где монстр?

http://tl.rulate.ru/book/84638/3083035